

“его преследовала эта тема — нежности”

Газета-2003-3 июня-с.5
Вия Артмане — Газете

Вия Артмане снималась с Евгением Матвеевым в первом фильме, принесшем ей всесоюзную популярность, — картине «Родная кровь». Об этом опыте и о своих отношениях с Евгением Матвеевым Вия Артмане рассказала Газете.

Я встретила с ним в Риге — он приезжал сюда на съемки. Мы снимали «Родную кровь» и начали в Риге. Здесь мы и встретились, это был 1963 год. Мне сказали, кто будет мой Федотов (персонаж Евгения Матвеева в фильме. — Газета). Сначала я пробовалась с другим актером в Петербурге, но там Матвеева не было, поскольку он был болен. Потом группа приехала в Ригу, и мы уже начали снимать, — нельзя было ждать, декорация уже была готова, а Матвеева не было еще недели две. Но мы снимали без него — я его тогда не видела даже, так что я его как актера совсем не знала. Мне показывали снимки

перамент был такой... как это сказать... трепетный, как будто он все время чем-то взволнован. Немного даже выше, чем обычно нужно для кино. А я такая... «тугая», у меня уровень темперамента ниже. Но как-то это даже было хорошо. И режиссер был доволен, и очень доволен был композитор — Вениамин Баснер. Он приехал посмотреть, как мы работаем, чтобы немножко вдохновиться и написать музыку, а музыка была прекрасна — он потом на основе этой музыки даже написал оперетту «Северная звезда». Это была очень удачная творческая встреча для очень многих в нашей группе. В «Емельяне Пугачеве» я с Матвеевым совсем не встретила — у нас не было совместных сцен. Его роль была огромная, у меня — такой, в сущности, большой эпизод. И он потребовал, чтобы его роль еще увеличили — потому что главный все-таки Емельян Пугачев. Там он немножко ошибся, и Емельян от этого немного потерял, и мою роль сильно сократили по его просьбе. Он,

прекрасный фестиваль, и наша картина — такая скромная, серенькая, такая нежная. Я думала, что она будет незаметной, — там были такие шикарные, цветные картины, с претензией; но наша картина, хотя и не заняла никакого места, имела большой успех. Публика ее принимала очень хорошо. Тогда Матвеев тоже был очень взволнован. Он очень любил, когда его признают. Я молча все это переношу, а он очень волновался: «Главное, чтобы дошло». Он был темпераментный человек и в высказываниях, и в игре. Очень верный, мог всегда защитить тебя, но мог и нападать. Был нормальный такой, крепкий мужчина, но по натуре очень нежный. Его преследовала эта тема нежности, мужской нежности. Я обнаружила это только потом, когда у него после «Родной крови» стали появляться подобные картины. Меня тогда все спрашивали — почему он не снимает меня. Я всегда отвечала, что, вероятно, он не видит меня там. И никто из других режиссеров не захотел снимать нас вместе. Время показало, что это хорошо — наша работа вместе была таким неожиданным, таким неординарным событием, что повторить его было невозможно. Общалась я с ним очень изредка. Тогда много было кинофестивалей в Москве, и я приезжала либо на открытие, либо на закрытие — оставаться на весь срок было невозможно. Тогда мы встречались: он всегда радовался, когда я приезжала. Последний раз я с ним общалась совсем недавно. Я была в конце апреля в Москве — у меня был творческий вечер в Доме актера на Арбате. И он был приглашен. Тогда он мне признался, что он очень болен и отмеривает последний этап своей жизни на этой земле. Было грустно это слушать, потому что предыдущая наша встреча была на фестивале «Золотой витязь» — тогда он был такой крепкий, требовал, чтобы я была с ним рядом, не отходил ни на шаг. Все время звал, чтобы я к нему подошла. Я тогда воспринимала это все шутя. А он,

В «Родной крови» (1963) Евгений Матвеев сыграл лучший дуэт своей жизни — с Вией Артмане

Зинаида Кириенко и Ольга Остроумова сыграли с Евгением Матвеевым в дилогии «Любовь земная» (1974) и «Судьба» (1977) по книге Петра Проскурина

и вспоминали картину «Поднятая целина». Он приехал, и мы начали снимать с конца. Соня уже больна — лежит в больнице и умирает. И мне надо было сыграть так, как будто за кадром стоит Матвеев, пришедший ее навестить, и смотрит на нее. А она влюбленными глазами смотрит на него и вспоминает с благодарностью начало их отношений. И тогда я сказала все, что должна была сказать ему как женщина, увидев его первый раз в жизни. Так что видите, какие хитрости происходят в кино. Так я призналась ему в любви, его совсем не зная. Но, слава Богу, все хорошо творчески складывалось. Партнер он был очень чуткий. У меня не так уж много было партнеров до этого, и все они были наши здешние актеры. А в «Родной крови» это была первая моя роль на русском языке, и мне было трудно, когда любой мог подойти и начать меня учить произношению и поправлять. Было страшно трудно, но режиссер меня утешал, говорил, что акцент — это даже хорошо. А куда же без акцента! И тогда я сказала, что единственный, кому я разрешаю меня поправлять, — это Евгений Семенович, потому что это мне не мешает. Даже наоборот, это нас сближало. Так что он был единственным моим учителем в смысле языка. Очень деликатный. Он поправлял меня всегда с юмором и не очень часто. Чтобы не смутить. Он был непривычный партнер — у него тем-

вероятно, подумал, что очень уж сильная получается Екатерина, а там были замечательные сцены! Это была как будто такая творческая ревность. Больше я с ним не работала, он не пригласил меня ни в одну картину, которую делал. Я думаю, это для него самого было довольно удивительный случай, что ему довелось играть такого нежного персонажа, как Федотов: до того он играл таких властных мужиков. Но что может быть красивее, чем нежный мужчина! Этот образ был для него особенный. В кино трудно солгать. Может быть, именно в этой роли он был более верным самому себе, чем в жизни. В жизни было такое ощущение, что он был не особенно нежным — он привык шутить, немножко даже задевать и посмеиваться. Думаю, что для него роль в «Родной крови» тоже была открытием. Это просто очень-очень счастливый случай и для него, и для меня. В моей творческой биографии это была роль уникальная — я в театре таких не играла. Многие думают, что это моя первая роль, а на самом деле до того у меня уже было несколько картин, но не с такими удачными ролями. В жизни в те годы мы встречались не часто. Был только один кинофестиваль в Буэнос-Айресе в 1964 году, где мы встретились. Кулиджанов еще был в делегации, хотя и не из нашей картины. Французы тогда показали «Шербурские зонтики» — Катрин Денев там была совсем молодая... Это был

возможно, уже что-то предчувствовал. Мне кажется, что ему было суждено во мне ошибиться. Я боялась его — он был такой темпераментный, что меня его темперамент немножко пугал. Он был такой крепкий, властный, а я такая замкнутая, защищающаяся. Но может быть, поэтому у нас роли и получились, поскольку каждый побеждал своим. Женщина может чувствовать себя защищенной, когда рядом есть такой человек. И детишек она может спокойно оставить в его руки, и они его полюбят потом. Вокруг нашей пары в «Родной крови» придумали довольно большой роман, и здесь Матвеев был, что называется, ко мне прикреплён. Многие до сих пор не верят, что в жизни мы не были близки. Такого не было, и все это знают, но никто не верит. Легенду создали зрители по роману наших героев. И мне кажется, что это очень красиво. И мы, актеры, когда получается такой памятник, не должны, как мне кажется, его разрушать. У меня скоро выйдет книга — о моих ролях и партнерах. И Евгений Семенович — одна из самых ярких страниц. У него недавно было очень хорошее интервью по поводу последней серии «Любить по-русски», которую он снимал. Его спросили, будет ли еще один фильм, но он ответил, что не будет, потому что не надо злоупотреблять. Теперь я понимаю, что он ответил честно, потому что понимал, что очень болен. Я буду вспоминать его всю жизнь.